

Про купеческаго сына Ивана.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ знаменитый купецъ. Онъ имѣлъ семь магазиновъ да восемь лавочекъ. Дѣтей у него было всего только одинъ сынъ, по имени Иванъ. Когда Ивану исполнилось пятнадцать лѣтъ, отецъ его умеръ, и онъ сталъ полнымъ хозяиномъ всего отцовскаго имущества. Жилъ онъ скромно, потому что никакой привязанности къ женщинамъ не имѣлъ, ни въ клубы, ни въ маскарады никогда не ѣздилъ. Такъ онъ продолжалъ жить послѣ смерти отца нѣсколько лѣтъ.

Наконецъ Ивану исполнилось восемнадцать лѣтъ. Въ это время ему приснился сонъ: будто какая-то неизвѣстная дама неописанной красоты показалась

въ его спальнѣ и поцѣловала его три раза.

Однако молодому Ивану это сонное видѣніе было ни къ чему, потому что онъ попрежнему не имѣлъ никакой привязанности къ женщинамъ.

Но вотъ прошло времени съ мѣсяцъ, и онъ, мало по малу, сталъ чувствовать въ сердцѣ какую-то перемѣну: онъ началъ страдать объ этой, поцѣловавшей его во снѣ, дамѣ. Ему захотѣлось узнать, гдѣ находится эта дама.

И вотъ, въ одно прекрасное время, неизвѣстная особа опять предстала предъ нимъ въ сонномъ видѣніи и объяснила ему, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ находится она.

Ивану снится сонъ.

Рисунокъ художника А. Де Пальдо.

Мать охотно его отпустила изъ дома.

Рисунокъ художника А. Де Пальдо.

Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Иванъ рѣшился на обманъ своей матери, для того чтобъ имѣть возможность подѣ благовиднымъ предлогомъ отлучиться изъ дому.

— Милая моя маменька,—обратился онъ къ своей матери,—у меня давно уже суленъ молебень одному угоднику. Отпусти ты меня, пока жива, отправить молебень. Да въ дорогу припаси мнѣ пожалуйста хлѣбныхъ сухарей.

Мать весьма обрадовалась такому благочестивому намѣренію своего сына и охотно его отпустила изъ дому, насытивъ ему въ дорогу сухарей.

Иванъ собрался и пошелъ прямо на то мѣсто, которое указано ему было во снѣ красивою дамой. Приходитъ онъ туда и видитъ—стоитъ небольшая избушка. Онъ зашелъ въ избушку и увидѣлъ тамъ одиноко сидѣвшаго старичка.

— Здорово, дѣдушко!—сказалъ ему Иванъ.

— Здорово, Иванъ!—отвѣтилъ старичекъ.—Далеко-ли ходишь?

— А вотъ, дѣдушко, я скажу тебѣ всю правду: я пошелъ искать ту даму, которая мнѣ во снѣ приснилась,—признался Иванъ чистосердечно.

— Послушай, Иванъ, меня,—сказалъ старичекъ—не ходи ни куда.

— Нѣтъ, дѣдушко,—возразилъ ему Иванъ,— не разговаривай. Скажи-ка лучше: не знаешь-ли гдѣ эта особа находится?

— Какъ не знать—знаю,—отвѣтилъ дѣдушко.—Пойди по этой дорогѣ—на-

чалъ онъ ему рассказывать—и дойдешь до перекрестка. Дорога здѣсь идетъ вправо. Тутъ находится небольшое озеро и стоитъ ракитовъ кустъ. Ты сядь подѣ кустъ. Прилетятъ двѣнадцать лебедокъ. Онѣ будутъ купаться; а передъ тѣмъ, какъ войдти въ воду, снимутъ и оставятъ на берегу свое лебединое одѣяніе. Ты же, какъ можно половчѣе, возьми это одѣяніе и уйди подѣ кустъ. Одинадцать лебедокъ улетятъ, а двѣнадцатая будетъ искать платье. А ты никакъ не отдавай. Хоша она будетъ плакать и просить, ты ни почему не отдавай.

Вотъ по сказанному, какъ по писанному Иванъ пошелъ и дошелъ до озера и спрятался за кустъ. Вскорѣ прилетѣли двѣнадцать лебедокъ, сняли свое одѣяніе и стали купаться. Одинадцать лебедокъ раздѣвались и купались всѣ вмѣстѣ, а двѣнадцатая въ сторонкѣ отъ нихъ, отдѣльно. Какъ только эта послѣдняя раздѣлась и вошла въ воду, Иванъ мигомъ подскочилъ и схватилъ ея лебединое одѣяніе и опять усялся подѣ кустъ. Одинадцать лебедокъ выкупались, вышли изъ воды, надѣли свое одѣяніе и улетѣли, а двѣнадцатая все еще купалась. Потомъ и она вышла изъ воды и хотѣла было одѣваться, но платья на мѣстѣ не оказалось. Вотъ она и стала говорить:

— Если старъ старичекъ взялъ одѣяніе мое,—то будь мнѣ дѣдушко. Если ровня мнѣ,—то будь мой нареченный мужъ.

Иванъ вышелъ изъ-подъ куста. Она стала просить его, чтобъ онъ отдалъ ея одѣяніе. При этомъ они заревѣла, что есть мочи.

А Иванъ ей и говорить:

— Ни почемъ не отдамъ, хоть обре-
вись вся.

Вотъ пошли они вмѣстѣ. Дошли до
селенія. Она заревѣла еще пуще преж-
няго и говорить ему:

— Какъ я могу нагая идти селеніемъ?
Ты смѣешься надо мной!

Ивану стало жалко ее, онъ и отдалъ
ей ея одѣяніе. Она одѣлась и улетѣла,
а Иванъ остался какъ ракъ на мелѣ.
Пошелъ онъ опять къ старику. А ста-
рикъ ему и говорить:

— Ну, Иванъ, пойдѣ домой. Мать
твоя лежитъ уже въ постели.

— Это одинъ обманъ, — возразилъ
Иванъ, — Нѣтъ, дѣдушко не разговари-
вай, а скажи-ка мнѣ лучше, гдѣ она на-
ходится.

— Она теперь за тридевять земель
въ тридесятѣмъ царствѣ, на мукомоль-
ной мельницѣ, — отвѣтилъ ему старикъ. —
Пойди ты туда, — продолжалъ онъ. — Тутъ
управляютъ нечистые духи. Ну, увиди-
шь, который за старшаго, ты и спроси
у него: гдѣ живетъ приказчикъ? На,
вотъ, я дамъ тебѣ письмо, ты и отдай
его приказчику, — закончилъ старикъ свое
наставленіе Ивану.

Иванъ пошелъ. Долго-ли, коротко-ли
шелъ, но все-таки дошелъ до той мель-
ницы, зашелъ въ нее и спросилъ стар-
шаго, гдѣ живетъ приказчикъ. Ему ука-
зали. Онъ отправился къ приказчику.
Тотъ не мило посмотрѣлъ на него; взялъ
отъ него стариково письмо, прочиталъ

его, написалъ записку и подалъ ее Ивану,
сказавъ ему:

— На, отнеси старшему на мель-
ницу.

Въ той запискѣ было сказано, чтобъ
Ивана зашили въ мѣшокъ. И, потому
какъ только старшой прочиталъ запи-
ску, то распорядился, чтобъ приказаніе
приказчика было исполнено. Ивана схва-
тили, запихали въ мѣшокъ, который на-
глухо зашили, снесли на сарай и поста-
вили тамъ къ стѣнѣ.

Настала полночь. Иванъ слышитъ,
что на сарай пришли, что-то взяли и
понесли неизвѣстно куда. А это при-
ходили тѣ самыя одинадцать лебедокъ,
которыхъ онъ раньше на озерѣ видѣлъ;
они взяли по мѣшку муки, а двѣнадца-
тая лебедка взяла его и понесла тоже
неизвѣстно куда.

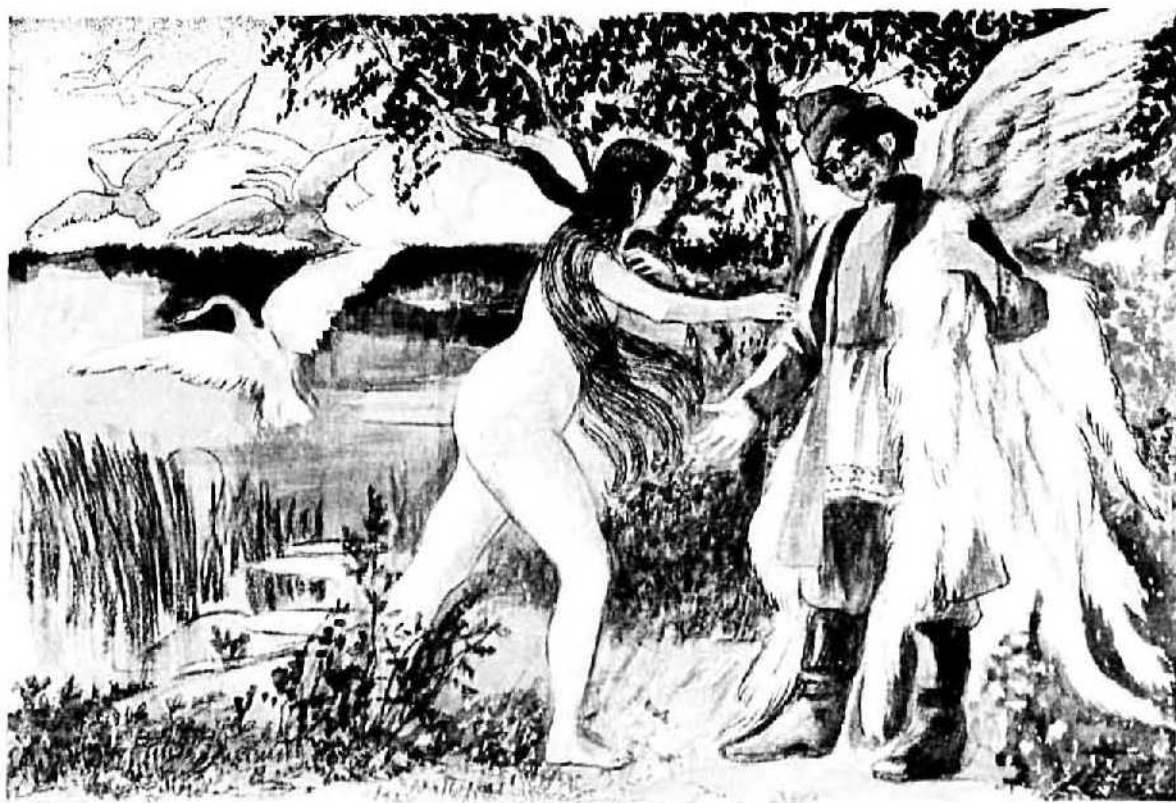
Вотъ слышитъ Иванъ, что несетъ она
его черезъ озеро, такъ какъ отъ тяже-
сти низко надъ водой летитъ и крыль-
ями за воду задѣваетъ. Однако она все-
таки его перенесла на другой берегъ и
свалила на землю. Потомъ слышитъ онъ,
что она стала купаться въ озерѣ. Иванъ
взялъ и ножомъ распоролъ мѣшокъ, вы-
скочилъ изъ него и схватилъ ея платье.

— Ну, теперь ужъ не уйдешь, — ска-
залъ онъ ей.

А она ему на это въ отвѣтъ:

— Я хошь какъ стану просить, а ты
мнѣ платье нипочемъ не отдавай.

Вотъ пошли они вмѣстѣ. Дошли до
одного селенія. Она и заревѣла, что есть
мочи. Иванъ просто потерялъ разсудокъ.
Она ему и говорить.

Иванъ мигомъ подскочилъ и схватилъ ея
лебединое одѣяніе.

Рисунокъ художника А. Де Пальдо.

Прости меня, маменька, что я безъ твоего
дозволенія могъ избрать себѣ нареченную.

Рисунокъ художника А. Де Пальдо.

— Что ты надо мной смѣешься что-ли? Развѣ можно обнаженной женщинѣ идти селеніемъ?

Иванъ подумалъ, подумалъ и не зналъ, что ему дѣлать. Потомъ онъ и сказалъ ей:

— Согласись меня поцѣловать, такъ тогда отдамъ тебѣ твое одѣяніе.

Дѣвушка-лебедка стала было вертываться, но какъ она не старалась отвертѣться отъ поцѣлуя, — дѣлать было нечего пришлось ей поцѣловать Ивана. Онъ ей платье отдалъ.

Однако послѣ поцѣлуя она не улетѣла. Она пошла вмѣстѣ съ нимъ и по дорогѣ стала говорить ему:

— Я пойду съ тобой въ твой домъ и тамъ останусь. Ты возьми и убери мое платье и впредь нипочемъ мнѣ не отдавай, какъ-бы я ни просила, и сколько-бы ни ревѣла; потому что на меня такіе часы находятъ, когда мнѣ охота бываетъ опять стать лебедью.

Долго-ли, коротко-ли шли они, наконецъ пришли къ Ивану въ домъ. Мать вышла встрѣтить ихъ. Они оба пали на колѣни передъ ней. Иванъ сказалъ ей:

— Прости меня, маменька, что я безъ твоего дозволенія могъ избрать себѣ нареченную.

Мать радушно приняла ихъ, и вскорѣ сыграли свадьбу. Иванъ зажилъ со своей молодой душа въ душу. Ходилъ онъ со своей Машей, такъ звали молодую, по магазинамъ да по лавкамъ и жили въ свое удовольствіе. Они такъ полю-

били другъ друга, что и часу не могли быть одинъ безъ другаго.

Такимъ образомъ дожили наши молодые до пасхи. Наканунѣ праздника Иванъ собрался въ церковь и сталъ звать съ собой жену:

— Пойдемъ, Маша, ко Спасу, — сказалъ онъ ей.

— Иди, а я сряжусь и тотчасъ приду, — отвѣтила она ему.

Иванъ ушелъ, а Маша стала сряжаться. Вдругъ ни съ того ни съ сего она заревѣла и залилась горькими слезами. Мать испугалась, не знаетъ, что и дѣлать съ ней. Она стала спрашивать ее:

— Маша, что съ тобой? Иванъ тебя чѣмъ-нибудь обидѣлъ?

А Маша ей отвѣчаетъ:

— Какъ мнѣ, маменька, не плакать — отвѣчаетъ Маша: — онъ взялъ мое платье, что досталось мнѣ отъ батюшки моего и спряталъ въ сундукъ и не даетъ мнѣ его поносить никогда. Какъ же мнѣ не плакать?

— Ахъ, какой онъ глупый! — сказала мать и стала подбирать къ сундуку подходящій ключъ.

Вскорѣ имъ удалось подыскать одинъ подходящій къ сундуку ключъ и достать оттуда Машино платье. Та несказанно обрадовалась этому, сейчасъ-же срядилась и пошла.

Лишь только вышла она на крыльцо, ударилась о сыру землю, и стала лебедью, а потомъ улетѣла неизвѣстно куда.

Тѣмъ временемъ Иванъ стоялъ въ церкви и все поглядывалъ къ дверямъ— не идетъ-ли его Маша. Но напрасно онъ ждалъ ее,—такъ и не дождался.

Какъ только окончилась служба, Иванъ тотчасъ-же побѣжалъ домой. Прибѣгаетъ и спрашиваетъ:

— Гдѣ Маша?

А мать ему и говоритъ:

— Я, Иванъ, браню тебя: зачѣмъ ты, глупый, не отдаешь Машѣ ея платья, что досталось ей отъ батюшки. Я насилу ключъ къ сундуку прибрала.

Тутъ Иванъ вышелъ изъ себя и говоритъ матери;

— Ну, маменька, коли ты сунулась въ чужое дѣло такъ живи какъ знаешь, а я пойду, куда глаза глядятъ.

И въ тотъ-же день Иванъ ушелъ изъ дому. Онъ прямо направилъ путь свой къ тому старику, который раньше ему помогалъ.

Пришелъ Иванъ къ старику, а тотъ и говоритъ ему:

— Напрасно, Иванъ, пришелъ ко мнѣ. Пойди домой, у тебя мать осталась одна.

— Нѣтъ, дѣдушко,—отвѣчалъ Иванъ,—и не разговаривай. а скажи мнѣ: гдѣ находится моя Маша?

— Она теперь находится за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, у короля Шадрина, у котораго въ одну шадрину закатывается по пушечному ядру.

Она у него въ наложницахъ живетъ. Ну, Иванъ,—добавилъ старикъ,— послушай меня: пойди домой, мать твоя въ постели лежитъ.

— Нѣтъ, дѣдушко, не разговаривай. Лучше скажи: не можешь-ли какъ-нибудь помочь мнѣ,—сказалъ ему Иванъ.

— Есть у меня одно средство,—отвѣтилъ старикъ.—Я дамъ тебѣ костылекъ, который можетъ у него всю силу положить. Какъ махнешь,—такъ полка самага отборнаго войска какъ не бывало. Хошь не отставай маши, такъ все и будутъ падать, пока всѣ не попадаютъ.

— Ну, дѣдушко, спасибо тебѣ. Прощай.

Поѣхалъ Иванъ въ луть дорогу. Долго-ли коротко-ли, а доѣхалъ онъ до короля Шадрина. Остановился въ заповѣдномъ лугу, раскинулъ шатеръ. Увидалъ это король Шадринъ въ подзорную трубочку и послалъ вѣстового узнать, кто смѣлъ не спросясь заѣхать въ его заповѣдный лугъ.

Пріѣзжаетъ вѣстовой и говоритъ Ивану:

— Какъ ты смѣлъ не спрося короля заѣхать въ наши заповѣдные луга? Кто ты такой?

— Я пріѣхалъ въ вашъ городъ,—отвѣчалъ Иванъ,—и всѣхъ васъ сживу и все головней покачу.

Вѣстовой вернулся и рассказалъ королю, что слышалъ отъ незнакомца. Король приказалъ въ барабаны бить, въ рога трубить.

И повалило силы и глазами не окинешь. Атаковали они лугъ и давай стрѣлять со всѣхъ концовъ въ шатеръ.

Вотъ выходитъ Иванъ изъ шатра и начинаеть махать своимъ костылькомъ. Какъ махнетъ,—полка солдатъ какъ не бывало, всѣ до единого падаютъ мертвыми.

Не прошло и двухъ часовъ, а Иванъ все войско перебилъ и самъ поѣхалъ прямо въ городъ.

Выходитъ на встрѣчу Ивану король Шадринъ и несетъ на серебряномъ блюдѣ ключи отъ крѣпости. Подошелъ онъ къ Ивану и палъ передъ нимъ на колѣни.

„Выходитъ на встрѣчу Ивану король Шадринъ и несетъ на серебряномъ блюдѣ ключи отъ крѣпости.“

Рисунокъ художника А. Де Пальдо.

Иванъ и говоритъ ему:

— Ты какъ смѣешь чужой женой владѣть. Хошь я тебѣ за это голову снесу?

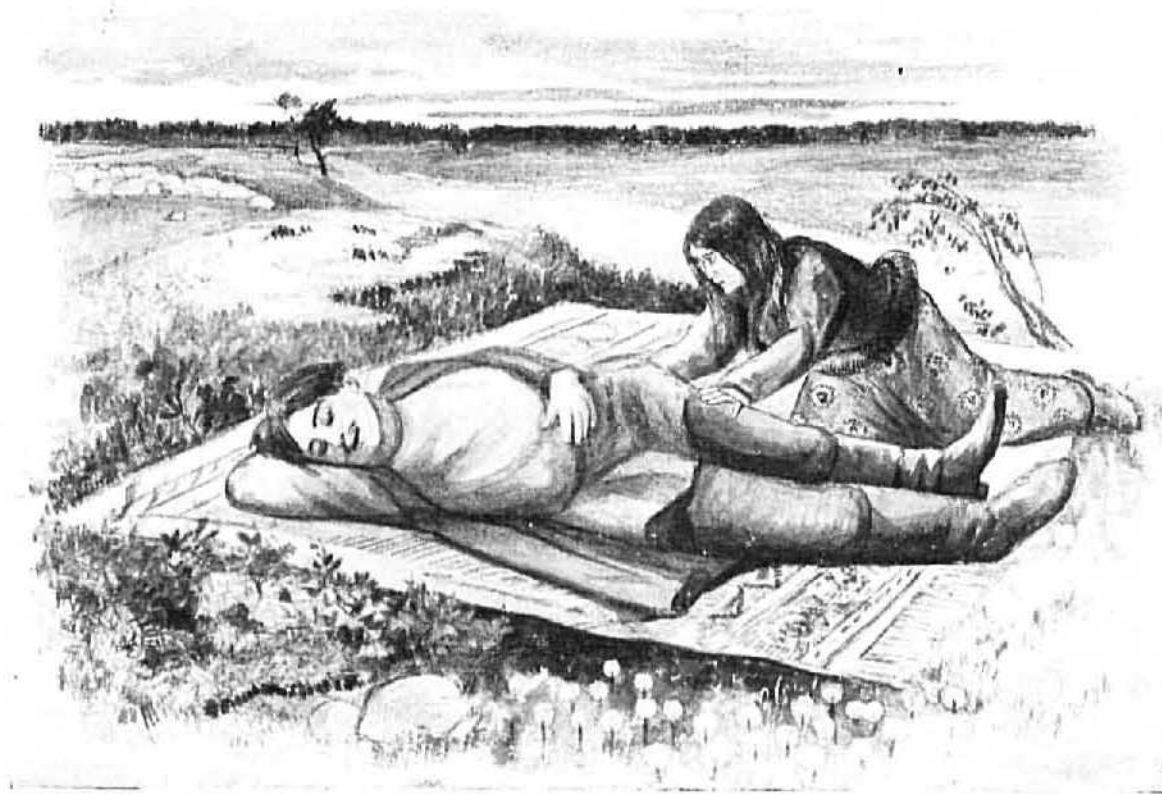
— Заклиная я себя,—отвѣтилъ король,—впередъ такой не буду.

Иванъ получилъ жену и они отправились въ дорогу. Прошли они половину пути, Маша и говоритъ Ивану:

— Какъ ты могъ такое несмѣтное войско въ короткое время перебить?

— А у меня есть костылекъ, которымъ я-бы могъ и втрое больше перебить.

Прошли они еще немного и оба устали, а въ особенности съ такой передрыги захотѣлось Ивану отдохнуть. Они и прилегли въ сторонкѣ отъ дороги. Иванъ костылекъ положилъ подъ изголовье. Когда Иванъ крѣпко заснулъ, Маша его поскатила немного и забрала къ себѣ костылекъ да съ нимъ и лататы.

„Когда Иванъ крѣпко заснулъ, Маша его
поскатила съ ковра.“

Рисунокъ художника А. Де Пальдо

Проснулся Иванъ: ни Маши ни костылька. Остался онъ какъ ракъ на мелѣ и не знаетъ, куда ему идти. Подумалъ да и пошелъ опять прямо къ старцу. Пришелъ и разсказалъ ему обо всемъ случившемся. Старецъ и говоритъ ему:

— Ну, вотъ, я предупреждалъ тебя, что это одинъ обманъ. Пойди лучше домой, твоя мать лежитъ въ постели.

— Нѣтъ, дѣдушко,—отвѣчаетъ Иванъ,—я скорѣе согласенъ умереть, а не отстану; пойду на смерть!

— Ну, Иванъ,—началъ старикъ,—есть у меня средство. Можешь ты все это получить, да только будетъ одинъ обманъ. Вотъ даю я тебѣ коврикъ—самолетикъ. Ты прилетишь на немъ въ заповѣдный лугъ. Какъ войдетъ король Шадринъ съ войскомъ, такъ ты залетай выше, да и налаживайся того, который коман-

дуетъ костылькомъ, и только на сторону да на другую маши,—такъ и полетятъ въ одну и другую сторону сорокапудовые каменья. Ты все войско можешь побить въ два часа.

— Ну, вотъ, дѣдушко, спасибо,—сказалъ, Иванъ и палъ ему въ ноги.

Поѣхалъ Иванъ въ путь, въ дорогу и доѣхалъ до короля Шадрина и прямо въ заповѣдные луга. Увидалъ его король со своей Машей. Она и говоритъ ему:

— Это опять мой мужъ пріѣхалъ. Надо послать одинъ отрядъ. Пусть его поколотятъ.

Король приказалъ тотчасъ бить въ барабаны и трубить въ рога. Привалило силы, что и глазомъ не окинешь. Атаковали они Ивана со всѣхъ сторонъ и начали въ него стрѣлять перекрестнымъ огнемъ.

Видитъ Иванъ, что стало тѣсно, вышелъ онъ изъ шатра, сѣлъ на свой коврикъ и полетѣлъ прямо на середину войска и началъ спускать камень,—такъ и повалилось все войско. Онъ залетѣлъ

надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ командовалъ начальникъ костылькомъ,—и тотъ вмигъ сбитъ былъ съ ногъ и на смерть уложенъ повалившимися на него камнями.

„Иванъ сѣлъ на свой коврикъ и полетѣлъ прямо на средину войска.“

Рисунокъ художника А. Де Пальдо.

Послѣ того полетѣлъ Иванъ въ городъ и началъ спускать камнями надъ домами. И въ короткое время проломалъ почти во всѣхъ домахъ и въ королевскомъ дворцѣ крыши.

Видитъ король, что дѣло плохо, вышелъ съ своей Машей изъ дворца, вынесъ знамя и ключи на серебряномъ блюдѣ и сталъ передъ Иваномъ на колѣни.

Иванъ сталъ всячески ругать его:

— Ахъ, ты, обманщикъ. какъ же ты смѣешь владѣть чужой женой, нарушать

свою клятву. Не оставляю я тебя живаго!

Король сталъ слезно просить Ивана:

— Не губи меня: болѣе таковъ не буду.

— А ты, негодная, что дѣлаешь?—накинулся Иванъ на жену.

Маша ничего не отвѣтила ему и стала жалобно ревѣть. Иванъ пожалѣлъ ее и не сталъ на этотъ разъ колотить ее, а только взялъ ее съ собою, захватилъ унесенный у него костылекъ и сѣвъ

вмѣстѣ съ Машей на коврикѣ, они полетѣли обратно, къ себѣ домой.

Пролетѣли они почти половину пути и захотѣлось Ивану отдохнуть. Спустились они на землю и легли съ Машей спать. Лишь только Иванъ заснулъ. Маша скотила его съ коврика, достала изъ-подъ сголовья, положенный туда ея мужемъ костылекъ, сѣла на коврикъ и улетѣла.

Пробудился Иванъ и видитъ, что Маша опять сшутила надъ нимъ скверную шутку: похитила костылекъ съ коврикомъ и улетѣла отъ него. Не вытерпѣлъ бѣдный малый такой обиды и съ досады даже заревѣлъ.

— Охъ, потерялъ я всѣ свои вещи, а съ ними и свою вѣроломную Машу!—сказалъ онъ самъ себѣ и снова направился къ своему благодѣтелю старику.

— Вотъ, дѣдушко, я опять къ тебѣ пришелъ,—сказалъ онъ, войдя въ домъ старичка.

— Охъ, Иванъ, что ты надѣлалъ? Вѣдь ты потерялъ у меня такія вещи, что и оцѣнить невозможно. Теперь нѣтъ ужъ больше никакого способа помочь тебѣ. Ступайка ты лучше домой, къ матери она, бѣдная, едва жива,—сказалъ старикъ.

— Нѣтъ, дѣдушко,—я хоть умру тамъ, а все-таки пойду опять доставать свою Машу.

— Ну, ужъ ладно, ступай,—проговорилъ старикъ.—Еще, пожалуй, я тебѣ вотъ что скажу—началъ онъ:—если ты не сумѣешь получить обратно своего, то

самъ погибнешь. Поэтому впредь будь осмотрителенъ и поступай такъ, какъ я тебѣ велю. Ты иди къ королю. Не доходя трехъ верстъ до столицы, есть селеніе, расположенное на два порядка. Въ концѣ селенія, на правой рукѣ, самый крайній домъ принадлежитъ мужику Кузьмѣ. Ты попросись у него ночевать. У него есть старая кобыла; такъ ты скажи ему: хозяинъ, у тебя есть кобыла бережа и тебѣ принесетъ онъ на ночь жеребенка, который въ одну ночь сдѣлается не менѣе матки. Ты его продай, а не то онъ исчезнетъ.

— Ну, вотъ, дѣдушко, спасибо тебѣ,—сказалъ Иванъ и тотчасъ отправился въ дорогу.

Долго ли, коротко ли шелъ онъ, но все-таки добрался до той деревни, о которой говорилъ ему старикъ. Онъ скоро отыскалъ тотъ домъ, куда ему велѣно было попроситься ночевать. Взойдя въ избу, онъ сталъ просить хозяина позволить ему переночевать. Хозяинъ позволилъ. Онъ раздѣлся и вышелъ во дворъ, гдѣ увидѣлъ грязную, лохматую кобылу, которой красная цѣна была—три рубля. Иванъ вернулся въ избу и говоритъ хозяину:

— Хозяинъ, у тебя кобыла бережа. Она на ночь родитъ жеребенка, который въ одну ночь сдѣлается не менѣе матки.

Хозяинъ разсмѣялся и говоритъ ему:

— Что ты, братецъ: кобылѣ двадцать пять годовъ, а ты говоришь, что она жеребенка родитъ.

Легли спать. Переночевали. По утру встаютъ, а Иванъ опять про жеребенка заговорилъ съ хозяиномъ:

— Хозяинъ, ты продай своего жеребенка, а не то онъ у тебя исчезнетъ.

Послѣ того Иванъ сердился и пошелъ. Только вышелъ онъ и тотчасъ сдѣлался жеребенкомъ, да такимъ красивымъ и статнымъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

Хозяинъ по уходѣ и говоритъ своей женѣ въ видѣ шутки:

— Надо сходить посмотрѣть своего жеребенка.

И смѣясь онъ вышелъ изъ избы во дворъ. Выходитъ и видитъ, что у него и на самомъ дѣлѣ появился жеребенокъ, да въ добавокъ еще такой хорошій. Обрадовался онъ и бѣжитъ къ своей старухѣ.

— Шестьдесятъ лѣтъ живу,—сказалъ онъ,—а такого красиваго жеребенка еще отродясь не видалъ. Пожалуй и вправду не исчезъ бы онъ,—добавилъ хозяинъ,—пойду, продамъ его въ столицѣ.

Приходитъ онъ опять во дворъ, а жеребенокъ, что звѣрь мечется изъ стороны въ сторону.

— Ахъ,—старуха, и узды-то у насъ нѣтъ,—сказалъ онъ своей женѣ.

Глянулъ старикъ на стѣну,—а на стѣнѣ виситъ узда. Взялъ онъ узду, а подойти не смѣетъ. Но все-таки обматалъ жеребенка и повелъ его въ столицу. Привелъ онъ его въ столицу,—тамъ народъ кругомъ обступилъ его, любитъ жеребенкомъ. А въ это время король Шадринъ вышелъ на прогулку и, увидавъ собравшійся въ кучу народъ, онъ тоже подошелъ и спрашиваетъ: что тутъ такое. Ему сказали, что вотъ мужикъ привелъ изъ деревни продавать жеребенка.

«Король Шадринъ покупаетъ жеребенка.»

Рисунокъ художника А. Де Пальдо.

Увидалъ король жеребенка—и тоже залюбовался имъ.

— Кузьма, — спрашиваетъ король у старика, котораго зналъ раньше, — это твой жеребенокъ?

— Мой—отвѣтилъ Кузьма.

— Сколько возьмешь?—спрашиваетъ король.

— Шесть тысячъ,—не долго думая бухнулъ старикъ.

Король приказалъ своему лакею отсчитать и отдать Кузьмѣ деньги, а жеребенка приказалъ онъ старику привести во дворецъ. Послѣ чего король уѣхалъ.

Вернулся Шадринъ во дворецъ и говорить своей Машѣ.

— Ахъ, душечка моя, я купилъ какого жеребенка! Погляди-ка: вонъ, ведутъ его.

Маша глянула въ окно и говоритъ:

— Это мужъ мой злодѣй. Я приказываю его сейчасъ же заколотъ и сжечь на огнѣ.

Жеребенка тотчасъ закололи, разрубили на мелкія части, сложили на дрова, сожгли и пепель развѣяли по вѣтру.

Прошла ночь. У полисада, гдѣ кололи и рубили жеребенка, осталась капля крови; изъ нея въ одну ночь выросла яблонь, такая красивая, духами кормить. Рано по утру встала дѣвка чернавка, вышла на улицу и сдировалась, какая въ одну почъ выросла пріятная яблонь, духами кормить. Она и говоритъ сама себѣ:

— Всѣ спятъ. Сорву-ка я хоть одинъ яблочекъ, а то послѣ мнѣ ужъ не видать.

Взяла и сорвала да въ карманъ и положила.

Проснулся король Шадринъ и говорить своей Машѣ:

— Душечка моя, погляди-ка, как у насъ фрукты выросли.

А Маша ему отвѣчаетъ:

— Это капля крови осталось послѣ злодѣя—мужа моего. Эту яблонь надо сейчасъ же срубить и коренья выкопать и сжечь на огнѣ, а пепель разсѣять по вѣтру.

Яблоню немедленно срубили, выкопали коренья и все вмѣстѣ сожгли на огнѣ, а пепель по вѣтру разсѣяли.

Вотъ дѣвка-чернавка ходитъ съ яблокомъ въ карманѣ и не знаетъ куда и дѣвать его. Наконецъ пошла она въ садъ и кинула его въ прудъ. Какъ только она его бросила, яблоко тотчасъ превратилось въ утку, да такого красиваго селезня.

Выходить изъ дворца въ садъ король Шадринъ и видитъ, что по пруду плаваетъ такой красивый селезень. Залюбовался имъ король. Подошелъ къ пруду близко и хотѣлъ утку поймать, видя что она такая ручная. Но лишь онъ подошелъ поближе, утка отскочила отъ берега и поплыла по пруду. Король пошелъ за ней. Когда же утка отплыла на далекое разстояніе, то встрепенулась и по-

летѣла на берегъ. Вылетѣлъ селезень изъ пруда, ударился о землю и сталъ добрымъ молодцомъ Иваномъ купеческимъ сыномъ.

Не успѣлъ король Шадринъ опомниться, какъ Иванъ въ одно мгновение выхватилъ изъ-за пояса у короля Шадрина его-же пистолетъ и наставилъ его прямо въ грудь королю, онъ выстрѣлилъ—и сразу убилъ Шадрина.

Послѣ того Иванъ кинулся во дворецъ, отыскалъ тамъ свой костылекъ и

махнулъ имъ. Вмигъ явился полкъ солдатъ и спрашиваютъ Ивана:

— Что прикажете?

— Я вамъ приказываю,—проговорилъ Иванъ,—эту злодѣйку,—указалъ онъ на Машу—изсѣчь въ куски и сжечь на огнѣ.

Сейчасъ же схватили солдаты Машу, изрубили въ куски и сожгли на огнѣ, а пепелъ развѣяли по вѣтру.

Послѣ того Иванъ взялъ дѣвку-чернавку за себя замужъ и поѣхалъ съ кѣ своей матери.

„Никола Дуплинскій.“

Прежде народъ былъ совсѣмъ темный, вѣрилъ во всѣ нелѣпые слухи.

Въ небольшой деревнюшкѣ одной изъ нашихъ сѣверныхъ губерній жилъ-былъ

старикъ со своею старухою. Жили они очень бѣдно. Дѣтей не имѣли. Старикъ ходилъ всѣ дни за охотою, а старуха пряла дома пряжу. Сосѣди часто говорили старику, что его старуха „гуляетъ“ съ молодымъ парнемъ; но онъ этому не вѣрилъ, говоря, что людская молва, что морская волна—набурлитъ и много.

Вздумалъ онъ старуху самъ провѣрить. Въ одинъ прекрасный день онъ ушелъ изъ дому за охотою, нашелъ въ лѣсу дуплистую осину, влѣзъ на нее, посмотрѣлъ: дупло было настолько велико, что въ него можно было спрятаться

всему человѣку. Слѣзъ старикъ на землю сдѣлалъ изъ сухаго дерева крестъ, повѣсилъ его на сукъ осины и пошелъ домой.

Возвратившись изъ лѣсу, старикъ сталъ говорить своей старухѣ:

— Послушай-ка, старуха, что сегодня увидалъ и услыхалъ я въ лѣсу: набрелъ я тамъ на какое-то дуплистое дерево на немъ виситъ деревянный крестъ. Я остановился и смотрю на него. Какъ вдругъ слышу изъ того дупла раздался голосъ

„Я Никола Дуплинскій! Что хочешь, то и сдѣлаю для тебя.“

Услыхала старуха объ этомъ и подумала про себя: „Эхъ, хорошо бы было,